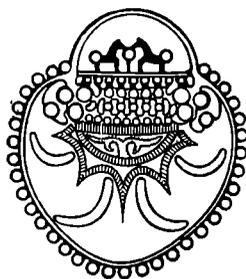

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

ПЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

№ 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА - 1961

БУДДИЙСКИЙ ХРАМ В КУВЕ¹

В 40 м от северного фаса шахристана средневековой Кувы расположен холм неправильных очертаний. Этот холм со всех сторон окружен болотом и, как тяжами, подтянут к западной и восточной башням шахристана валами, несколько возвышающимися над уровнем воды. Вся площадь холма делится валом на две неравные части: большую, южную, — подквадратной формы и меньшую, северную, — в виде мыса, обращенного на северо-запад.

Подъемный материал, собранный на холме в 1957 г., показал, что поселение здесь существовало в более ранний период, чем на шахристане Кувы. Северный мыс привлек к себе внимание своим рельефом, где ясно выступали очертания двора и стен монументального здания. В 1957 г. в этой части холма был заложен шурф. В результате раскопок стало ясно, что в верхних горизонтах идет стена здания, сложенного из пахсы и сырцового кирпича. Отмечен также уровень поверхности со следами воздействия огня. Те же следы огня имеются и на стене, уступом спускающейся к уровню пола. Этот уступ, как показали дальнейшие исследования, оказался суфой, на которой были обнаружены мраморные и сердоликовые бусы. Весьма любопытна керамика из этого шурфа. Верхний горизонт, т. е. промежуток над полом и непосредственно под полом и стенами сооружения, характеризуется наличием кухонной неполивной толстостенной керамики и столовой, тонкостенной с лощением по красному и черному ангобу. Нижние горизонты, лежащие уже под зданием и отличающиеся большой плотностью, насыщены керамикой так называемого даваньского типа (I в. до н. э. — I в. н. э.), с лощением по красному, коричневому и черному ангобу с гравированным геометрическим орнаментом. На глубине 2 м от уровня пола культурный слой кончается; он отделен от материкового лёсса тонкой прослойкой кострища. Материковый лёсс сменяется влажным суглинком.

Траншея, заложенная в северо-западном направлении, обнаружила на небольшой глубине (0,5—0,7 м) остатки стены сооружения, идущей в северном направлении. Тогда же было найдено несколько фрагментов скульптуры и штукатурки с позолотой.

В 1958 г. объем археологических исследований значительно увеличился, охватив площадь 32×6 м к востоку от траншеи и шурфа (рис. 1). Верхние горизонты не дали ничего примечательного в смысле находок и представляли собой довольно рыхлый бесструктурный слой запустения. Керамический материал этого слоя очень фрагментарен, в основном это неполивная толстостенная керамика — хумы, хумчи, кухонная посуда. Однако довольно много и тонкостенной керамики с ангобом, коричневым, красным, белым. Встречаются фрагменты с лощением по темно-красному и черному ангобу. Суммарно керамика датируется VII—VIII вв. Единст-

¹ Работы велись Институтом истории и археологии АН УзССР под руководством доктора исторических наук Я. Г. Гулямова. Принимали участие: в 1957 г. — В. А. Булатова, И. Ахраров, в 1958 г. — В. А. Булатова, Л. И. Альбаум, архитектор П. Захидев, лаборанты У. Алимов, К. Бирюлина, Р. Бурнашева, фотограф Е. Н. Юдицкий.

Рис. 1. Общий вид раскопа

венная целая форма, встреченная в верхнем горизонте,— это светильник с круглым основанием на высокой полой ножке, переходящей в плоскую круглую тарелочку наверху. Подобного рода светильники были обнаружены на Кафыр-Кале и в Кашка-Дарьинском районе. Датируются они обычно V—VI вв. н. э. На общем фоне случайными являются находки трех фрагментов керамики XI—XII вв. (символ-кузача, ручка сероглиняного сосуда и т. д.).

Нижележащий ярус отличается большой плотностью и представляет собой слежавшийся завал сырцового кирпича от стен и перекрытий. Как удалось установить, кирпичи имели размеры $8-10 \times 21-25 \times 36$ см. Среди обычных кирпичей встречались клинчатые, употреблявшиеся в сводах. Кирпичная кладка велась на земляном растворе. При расчистке завала и выявлении кирпичной кладки в северной части раскопа зафиксированы две глухие арки, как будто упавшие друг другу навстречу.

В завале, наряду с большим количеством фрагментов скульптуры, найдены и обломки бытовой посуды; среди них — большое количество толстостенных неполивных, очевидно, от хумов; столовая посуда представлена многочисленными тонкими фрагментами с коричневым, красным, черным и кремовым ангобом без лощения. Лощеной керамики найдено всего два фрагмента. Над полом лежит слой пожарища, где ярко-красная, обгоревшая до спекания, земля перемешана с углями, золой, кусками сырцового кирпича и обгоревшей глиняной скульптурой.

Слой над полом тоже содержит толстостенную посуду (хумы, хумчи), тонкостенную столовую, с ангобом и без него. Венчики тонкостенных сосудов, особенно пиал, довольно стандартны: это или слегка заостренные прямые, или отогнутые наружу; у чаш и кувшинов — округлые в верхней части или прямые.

Найдены два фрагмента от сосудов с зубчатым, отогнутым наружу венчиком (такой же в Ак-Бешиме у Л. Р. Кызласова датируется V—VI вв. н. э.).

В непосредственной близости к полу обнаружено довольно много (по сравнению с вышележащими ярусами) обломков лощеных сосудов. Лоще-

ние тусклое и зеркальное произведено по красному, черно-красному, коричневому и черному ангобу. Толщина черепка варьирует в пределах от 0,3 до 0,5 см. Формы венчиков различны, но достаточно типичны. У пиал — венчики прямые, округло-заостренные, слегка отогнутые наружу; у чаш — округло-заостренные и округлые отогнутые внутрь сосуда; у кувшинов, крынок — прямые, слегка заостренные, есть совершенно прямые, слегка расширяющиеся к завершению.

Обломки стенок дают представление о сложной профилировке сосудов. Днища всех сосудов плоские с отлого поднимающимися стенками. Керамика раскопа, особенно в нижнем горизонте, может быть датирована III—IV вв. н. э., однако она не синхронна зданию и не может его датировать.

Здание, частично вскрытое раскопками, оказалось буддийским храмом, стены которого сохранились на очень небольшую высоту — 0,5—0,7 м. Сложенные из сырцового кирпича, сильно оплывшие с течением времени, стены эти имели большую толщину — 1,6 м. Внутри помещения вдоль стен тянулись суфы высотой 0,35—0,4 м. Стены суфы и пол помещения были покрыты штукатуркой, цвет ее не сохранился, так как под воздействием пожара краски исчезли, а слой штукатурки принял красноватый оттенок. Устройство суф различно; если южная представляет собой простую ступень, разделенную примерно в середине выступающей пилястрой, то западная сложнее и имеет две ступени, ведущие к нишам со скульптурами. В юго-западном углу к ней примыкает еще небольшая ступенька. Южная стена расчищена до входа в храм и имеет длину 8,6 м до юго-западного угла. Ширина входа — 1,7 м. Поперек входа зафиксированы следы балки, как на полу, так и в остатках стен (гнезда), ширина ее — 28 см, высота — 14 см. Балка, очевидно, являлась нижней обвязкой дверной рамы. Неподалеку от этого места на полу были обнаружены железные детали, возможно, от дверного запора. Севернее входа, на расстоянии 12,3 м от него, частично расчищена возвышающаяся площадка, к которой с западной стороны примыкают две небольшие ступени (рис. 2).

Южнее входа вскрыта часть суфы, примыкающая к внешней стене здания, и мощный пилон, длиной 3,4 м и шириной 2,2 м. С юга к храму, вероятно, примыкал двор. Так как вскрыта только часть здания, о его планировке судить трудно. Здание храма стояло на крайней оконечности холма и сильно разрушено сывами по склонам. О силе сыва можно судить хотя бы по тому, что гигантская скульптура Будды, лежавшая после разрушения здания на возвышающейся площадке — платформе, оказалась на самом склоне холма под дерновым слоем, из чего можно заключить, что северная часть храма давно уже не существует. Дальнейшие раскопки здания создадут возможность частичной реконструкции плана храма.

Вся вскрытая раскопками картина завала свидетельствует о большой катастрофе, вызвавшей пожар и разрушение здания. Груды поломанной глиняной скульптуры были сосредоточены в основном по периметру храма, здесь же лежали обуглившиеся балки и другие деревянные части, очевидно, от перекрытия. Завал, вызванный непосредственно разрушением храма, делится на два слоя: а) слой пожарища над полом, содержащий наибольшее количество скульптурных деталей и обгоревшего дерева; б) слой кирпичного завала. Эти два слоя имеют толщину до 1 м. Над ними лежит слой толщиной в 0,5 м бесструктурной земли от периода заупустения.

Вскрытая поверхность пола вся изрыта впускными мусульманскими погребениями XI—XII вв. Ими же нарушена целостность южной суфы и входа, где сильно пострадали стена и сама суфа.

Обилие мусульманских захоронений и отсутствие следов более поздних сооружений и остатков эпохи средневековья наводят на мысль о том, что после разрушения монументального буддийского храма холм был за-

брошен и лишь спустя некоторое время использован жителями средневековой Кувы как место для захоронений².

Найденные нами остатки скульптуры сильно испорчены огнем и раздроблены, может быть, специально, а может быть, пострадали при падении стен и перекрытия. Все они сделаны из глины с примесью большого количества самана, путем многослойной лепки с многократной сушкой, что способствовало прочности и долговечности хрупкого материала — глины³.

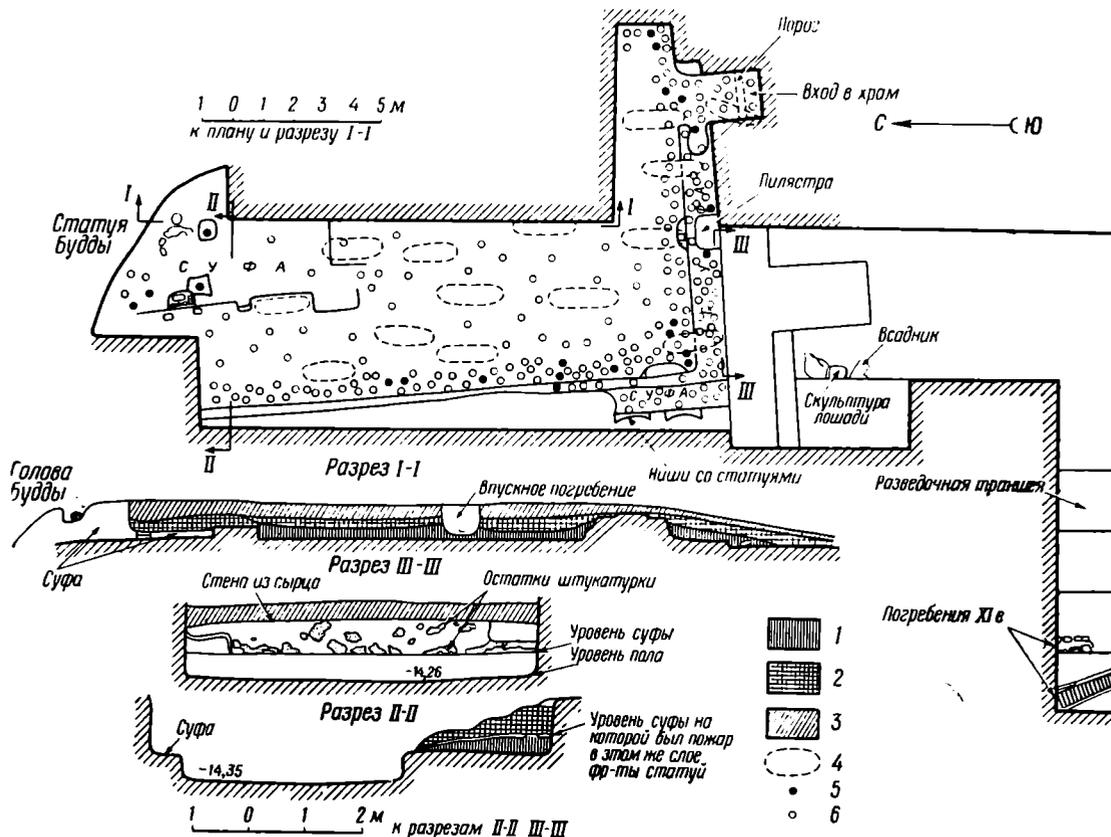

Рис. 2. План и разрезы раскопок храма

1 — слой пожара; 2 — завал кирпича сырца; 3 — рыхлая земля; 4 — впускные мусульманские захоронения; 5 — находки статуй и голов 6 — мелкие фрагменты и детали

Основой для скульптуры служил деревянный брусочек (круглый или гранистый) небольшого сечения (2—3, 3—4 см), заложенный в статуях даже более натуральной величины. Эти брусочки закладывались в туловище не более двух, а в конечности — по одному, в головах их не было вовсе; для пальцев употреблялись камышинки. Эти брусочки и камышинки, очевидно, играли роль направляющей арматуры; между собой они скреплялись шерстяными скрученными нитками, брусочек же обвивался тонким жгутиком из травы, видимо, для лучшего сцепления с глиной. В качестве арматуры для сильно выступающих длинных деталей (складки одежды) применялся конский волос и шерсть овец⁴.

Головы статуй, как можно было наблюдать, лепились и моделировались отдельно из той же глины, смешанной с саманом, потом закреплялись на штыре, выступающем из туловища, и окончательно отделялись вместе с туловищем.

² Современное кладбище расположено западнее буддийского храма, на месте средневекового рабада Кувы.

³ О том же способе в древнем Хорезме см. М. А. Орлов. Реконструкция «зала воинов» дворца III в. н. э. Топрак-Кала. ТХЭ, т. I, М., 1952, стр. 47.

⁴ Аналогичный прием отмечен и в барельефных гирляндах в интерьере Топрак-Калы. См. М. Г. Воробьева. К вопросу о технике внутренней отделки помещений дворца Топрак-Кала. ТХЭ, т. I, стр. 75—76.

Окончательная отделка заключалась в том, что статуя покрывалась тонким слоем (1,5—2 см) пластичной глины. На этом слое художник прорабатывал все тончайшие детали — глаза, веки, губы, некоторые украшения. Кисти рук, стопы ног, складки одежды, локоны волос, розетки, наленные украшения делались целиком из пластичной глины, с добавлением конского волоса. Отдельные детали, очевидно, штамповались, просушивались, подвергались муфельному обжигу и потом прикреплялись на место с помощью жидкой глины (локоны волос, цветы, листья, браслеты и ожерелья из выпуклых камней). В отдельных случаях применялась инкрустация; так, например, на западной суфе у подножья статуи был найден глаз с инкрустированным зрачком, вставка была сделана из белого и черного камня.

Как удалось установить по отдельным сохранившимся фрагментам, статуи раскрашивались, видимо, в соответствии с буддийскими канонами. Нами найдены статуи с телами и лицами, окрашенными в голубой, кремневый, синий и черный цвета. Для бровей и губ употреблялась черная, желтая и красная краски. В больших количествах для отделки украшений применялась позолота разных оттенков. В одном случае позолота была наведена вокруг глаз. Одежды окрашивали в голубой, белый, кремневый цвета. Изредка встречается темно-зеленая и фисташковая окраски деталей (уши льва, профилированная тяга на западной суфе). Красная краска применялась на различных деталях в большом многообразии оттенков, от ярких пурпурных до темных (окраска одежды, акантов). Красная краска часто использовалась и как подслоя для белой краски (круп и грива лошади, рука человека).

Все найденные статуи выполнены в горельефе, приближающемся к объемной скульптуре. Среди фрагментов, поддающихся определению, можно выделить статую гигантского Будды (вдвое превышающая человеческий рост). Она сохранилась только до плеч и с одной рукой. Эта статуя находилась, очевидно, в главном зале храма (северо-западная часть раскопа). На огромной голове (30×40 см) сохранилась часть прически в виде крутых завитков-спиралек. Теменная часть несколько разрушена балкой. На основании площадки, возле головы, была найдена диадема из прямоугольных звеньев со следами голубой краски и несколько локонов.

Лицо Будды сильно пострадало при падении — сбит нос, разрушена левая часть, однако правая сохранилась довольно хорошо, остались даже следы голубой краски на правом виске. Перед нами канонизированный образ: застывшее отрешенное лицо с плавными полукружиями бровей над слегка удлиненными глазами, полуприкрытыми веками. Над верхней губой тонкие короткие усы. Овал лица округлый. Лицо Будды имеет неуловимые признаки тюркского антропологического типа.

Очень интересной деталью является наличие третьего глаза на лбу этого Будды. Плечи и сохранившаяся правая рука покрыты украшениями — перевязь с голубыми цветами и браслеты из драгоценных камней (рис. 3).

Такой же канонизированный облик придан головке, найденной у западной суфы (рис. 4). Эта головка выполнена в натуральную величину и принадлежит, очевидно, богине. У нее очень изящный овал лица, удлиненные открытые глаза, осененные плавными дугами бровей, тонкий туповатый носик, красиво очерченный маленький рот с пухлыми губами. Лицо тонировано кремнево-желтой краской под цвет кожи. В уголке левого глаза сохранились следы голубой краски. Зрачок скульптурно не выражен; очевидно, глаза были раскрашены. Голова украшена диадемой в виде гладкого обруча с поднимающимися вверх детально проработанными эгретами из драгоценных камней. Из-под диадемы спускаются челочкой локоны, разделенные как бы пробором посередине лба. Общим характером эти локоны напоминают прическу и убор арфистки с Айртамского фриза. Возле уха на щеку опускается волнистая прядь волос — характер-

Рис. 3. Статуя Будды

ная деталь многих мужских и женских персонажей в живописи Пенджикента и Балалык-Тепе⁵.

В завале скульптурных деталей, среди которых была найдена эта головка, находились и складки одежды типа греческой туники с подхватом на талии.

К той же категории «благостных богов» относятся, видимо, две головы и торс, найденные у суфы южного входа. От одной головы с характерной прической из крутых локонов-спиралек сохранилась только верхняя часть лица: лоб изборожден продольно-изогнутыми морщинами, зрачок глаза скульптурно проработан. Глаз отличается хорошей моделировкой яблока и век. От второй головы (больше натуральной величины) осталась верхняя часть лица и носа. На ней сохранилась темно-голубая окраска. Под тонкими полукружиями бровей расположены широко открытые большие глаза со зрачком в виде прорезного кружочка с точкой.

Рис. 4. Головка богини

Ни к одной из найденных голов не подходит торс в (натуральную величину). Тело окрашено темно-голубой краской. Грудь перекрещена перевязью кремового цвета с подвешенными к ней колокольчиками кремового же цвета с синими язычками. Скрещение перевязи украшено круглой розеткой, окруженной перлами. Приемы скульптурной передачи тела близки к классическим и подчеркивают стройность стана и физическую мощь этого персонажа.

Вторую группу скульптурных изображений составляют демоны и благостные боги в их гневных проявлениях. Особенно интересна богиня Шри-

⁵ Сб. «Живопись древнего Пянджикента». М., 1954, табл. XXXIV (арфистка), табл. XXXIII (всадники); Л. И. Альбаум. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960, рис. 98, 100, 102, 104 и др.

дэви (рис. 5). Эта богиня относится к группе защитников веры (dhaṅṅa-raṅṅa) и обычно изображается в виде разъяренной женщины, окрашенной в черный или темно-синий цвет, с большим количеством устрашающих символов (ожерелье и венец из черепов), в сопровождении спутниц-дакиней Макаравактра и Симхавактра (т. е. та, которая с лицом морского чудовища, и та, которая с лицом льва). Шри-дэви, в ожерелье из черепов с венцом из черепов на голове, восседает на муле, сопровождаемая дакинями⁶.

Сохранившиеся детали (к сожалению, нижняя часть лица, как и левая верхняя половина, не сохранились) позволяют восстановить черную голову богини с гневно сдвинутыми тонкими позолоченными бровями, с венцом из черепов на поднятых кверху волосах. При этом невольно вспоминаются слова гимна:

«И четыре времени года рождаются из темного вихря твоей короны...»⁷.

Большое количество малых и больших черепов из глины, найденных возле суф и на самых суфах, очевидно, принадлежали статуе этой богини и ее спутницам. Небольшой женский

торс с ожерельем из продолговатых прямоугольных бус на шее, рука того же масштаба с наклепным черепом на предплечье, вероятно, могут быть отождествлены с какой-то из спутниц богини. От мула Шри-дэви сохранилось немного — нога с копытом и некоторые части тела.

Очень интересны две скульптурные головы, отличающиеся необычайной реалистичностью в передаче душевных переживаний и высоким мастерством их исполнения. Манера исполнения настолько отлична от манеры, в которой выполнены Будда и другие божества, что встает вопрос: один ли мастер делал эти скульптуры? Одна из голов, найденная на полу в юго-западном углу, вблизи от Шри-дэви, тоже, очевидно, была увенчана черепами, так как на поднятых вверх волосах остались отпечатки овальной формы (рис. 6). Мощные надбровные дуги, нос с утонченным и как бы вдавленным переносьем, большие глубоко вырезанные ноздри, огромный выразительный рот позволяют предполагать, что это Манчжушри — бог просвещения, который также совмещал в себе и роль защитника веры. Не менее великолепна вторая голова, обнаруженная на южной суфе, неподалеку от входа, и, возможно, принадлежащая Мару — «злому» демону, искушавшему Будду (рис. 7). С необычайным реализмом вылеплена эта

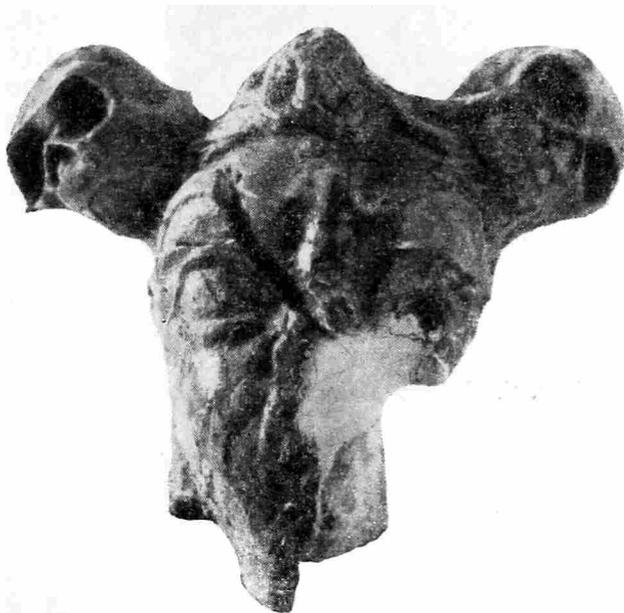

Рис. 5. Голова Шри-дэви

⁶ A. Gordon. Tibetan religious art. New York, 1952, стр. 35, табл. на стр. 37, 60.

Шри-дэви посвящено много гимнов, где она прославляется как могущественная и справедливая ревнительница веры.

«О, ты, которая являешься могучей владычицей оружия и армии.

Ты, с лицом льва и ты же с лицом «Макара»,

Ты, которая подчиняешь себе злодеев и усмиряешь их...

И отовсюду умножаешь число добрых дел.

Своею властью во всех частях света

Одержавшая полную победу...

Ты, которая подчинила себе своим яростным видом

Опасных врагов и злых духов».

⁷ Там же.

Рис. 6. Голова Манчжушри

Рис. 7. Голова Мары

Рис. 8.
1 — маска; 2 — лапа льва

голова с дико вытаращенными глазами, с курносим подвижным носом, с перекошенным в едкой усмешке большим ртом, из которого выглядывают кривые зубы. Окраска лица не сохранилась, но по остаткам видно, что губы были окрашены в желтый цвет, а само лицо покрыто темно-синей краской.

Фрагменты львиных масок (три) и шкур были найдены в разных местах площадки (у входа, у западной суфы и в северной части храма). Шкура с растянутыми лапами служила или украшением престола Будды, или набедренной повязкой кого-либо из богов. Морда льва с сомкнутыми глазами сделана в плоском рельефе, круглые слегка заостренные уши чуть выступают, так же как и нос. Усы сделаны условно в виде дырочек. Грива намечена прямыми прядями. Морда покрыта кремово-белой краской, уши выделены темно-зеленой (рис. 8).

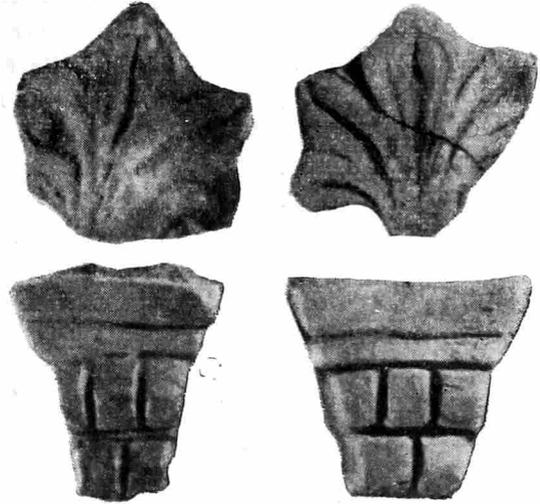

Рис. 9. Архитектурные детали

На полу помещения в большом количестве найдены архитектурные детали (рис. 9). Это миниатюрные капители и пальметты, имеющие одну плоскую сторону, служившую, очевидно, для прикрепления к стене.

Изготавливались они способом штамповки и обжигались. В углублениях деталей сохранились следы темно-голубой краски. Кроме этих точно определимых элементов микроархитектуры, обнаружены детали, напоминающие тугоскрученные завитки волют и стебли акантов. Очевидно, они помещались при отделке ниш, где располагались статуи, или происходили из горизонтального фриза в интерьере⁸.

Переходя к описанию «двора», примыкающего к зданию с юга, мы должны сразу же оговориться, что вскрытая площадь очень мала и пока ничего не дает для выяснения планировки всего строительного комплекса. Мощность культурного слоя над поверхностью двора весьма незначительна (15—20 см), его составляют в основном наплывы со стены самого храма. Как уже указывалось выше, в сторону двора выдается пилон, а вдоль стены тянется суфа. При расчистке угла, образованного суфой и пилоном (западная сторона), была обнаружена скульптура оседланной лошади. Передняя часть и голова не сохранились. На задних ногах лошади осталась часть хвоста со следами белой окраски на красной подгрунтовке. Седло с высокой лукой имеет следы голубой и красной краски⁹. Возле лошади найдена человеческая фигура (сохранилась от груди до колен) — воина или конюшего, одетого в кафтан с отворотом на груди и с многочисленными сборками ниже талии. Подобного рода кафтаны отмечены на рельефных плитках Самаркандского музея и на Туйском всаднике¹⁰. Отворот кафтана у нашего всадника выделен невысоким рельефом и окрашен палевой краской. Сам кафтан, судя по остаткам краски, был коричнево-красный, под отворотом сохранилась полоса охры.

⁸ В описании находок мы сознательно ограничили себя наиболее крупными, которые в силу своей сохранности позволяют сделать какой-то анализ и сопоставления.

⁹ Седла такого же типа можно видеть на щите с горы Муг (см. репродукцию в сб. «Живопись древнего Пянджикента», табл. 5), на лошади, найденной в Синьцзяне (раскопки 1928—1929 гг.). См. Хуань-Вень-би. Археологические записки по исследованию Таримской впадины. АН КНР, Пекин, 1958 (на китайск. яз.). Как полагают некоторые исследователи, седла с высокой лукой появляются в конце VI в. (см. Н. Н. Забелина, Л. И. Ремпель. Согдийский всадник. Ташкент, 1948, стр. 9).

¹⁰ Н. Н. Забелина, Л. И. Ремпель. Согдийский всадник, стр. 11, рис. 4; А. В. Шмидт. Туйский всадник. Зап. Коллегии востоковедов, т. I, 1925, стр. 411.

Найденный конь, очевидно, был священным конем Будды (его прототипом является белый конь Индры, вышедший из моря)¹¹. Однако в данном случае мы не должны забывать о «небесных потокровных конях» древней Давани. Очевидно, найденная нами скульптура является отдаленной репликой культа коня, существовавшего повсеместно в Средней Азии, начиная с эпохи бронзы¹².

Под этими скульптурами на полу найдены детали сбруи (бубенчики) и часть гривы в виде струящихся прядей. На суфе и на уровне двора найдены кусочки штукатурки с остатками росписи синей и красной красками по белому фону. Контуры рисунка выделены черной линией. Сохранность красочного слоя хорошая, однако надежды на открытие росписей на стенах очень мало, так как высота оставшихся стен невелика, а пожар свирепствовал и во дворе, оставив везде слой прокаленной земли и обгоревшую штукатурку.

Наши скульптурные находки, несомненно, отражают круг буддийских религиозных представлений и находят себе аналогии в индийском и восточнотуркестанском искусстве. Предварительные датировки, основанные на сравнительном анализе памятников искусства и архитектуры Пенджикента, Балалык-Тепе, могут быть определены в границах VII—VIII вв. Исследованный нами храм погиб, очевидно, в период арабского нашествия. Его разрушение произошло в июле — августе, что подтверждается находками обугленных персиковых косточек на полу храма (плоды, вероятно, попали туда в качестве приношения богам).

Рассматривая в совокупности материалы исследований последних лет в Пенджикенте¹³, Куве, Ак-Бешиме, нужно иметь в виду большую роль Средней Азии в формировании культуры Восточного Туркестана, что нашло отражение в живописи и скульптуре¹⁴. Прямые аналогии кувинской скульптуре наблюдаются в скульптуре из Таримской впадины; живопись Пенджикента ближе всего стоит к живописи Кучи и Кизила, Шикшина и Турфана¹⁵; архитектурно-планировочные решения Пенджикента и Ак-Бешима сопоставляются с таковыми в Восточном Туркестане¹⁶ — все это является ярким свидетельством широких культурных связей Средней Азии и Восточного Туркестана.

¹¹ Махабхарата. Адипарва, кн. I, М.—Л., 1950, стр. 636.

¹² С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 303; A. Waley. The Heaventy Horses of Ferghana. A. Review «History today», т. V, London, 1955, № 2; Б. А. Литвинский. Археологические открытия на Восточном Памире и проблемы связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. XXV Международный конгресс, доклады делегации СССР. М., 1960.

¹³ А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.). МИА, № 66, 1958, рис. 46, 48.

¹⁴ М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. Сб. «Живопись древнего Пянджикента», стр. 90. На это же в свое время указывал А. Н. Бернштам. См. А. Н. Бернштам. Проблемы истории Восточного Туркестана. ВДИ, 1947, № 2, стр. 62, 71.

¹⁵ М. М. Дьяконов. Ук. соч., стр. 150—153.

¹⁶ С. Ф. Ольденбург. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. СПб., 1914, стр. 41, 42, планы; Л. Р. Кызласов. Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. КСИЭ, вып. XXVI, 1957, план храма.